

УДК 81'37

**К ПРОБЛЕМЕ КАТЕГОРИЗАЦИИ В ТЕОРИИ ПРОТОТИПОВ:
PRO ET CONTRA**

© 2015 г.

*А.Е. Бочкарев*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Нижегородский филиал

abotchkarev@hse.ru

Поступила в редакцию 22.12.2014

Как и все прочие разновидности когнитивной семантики, теория прототипов задается вопросом: как мы понимаем окружающие нас в мире вещи? В стандартной версии принадлежность категории задается как функция от прототипических свойств, которые данный объект разделяет с образцовым представителем категории, а в расширенной версии – по исчисляемому в скалярной оценке прототипическому эффекту, которым характеризуется каждый входящий в категорию объект по аналогии с семейным сходством. Но, даже признав, что языковые выражения соотносятся с вещами через посредство хранимых в памяти ментальных репрезентаций, нельзя не признать, что изучать их следует как языковые.

Ключевые слова: когнитивная семантика, теория прототипов, категоризация, прототипические свойства *cue validity*, ментальные репрезентации.

Категоризация как условие понимания. Категоризация – необходимое условие понимания. За отсутствием категориально структурированных знаний об обозначаемой словом вещи нельзя вообще сказать, какие свойства ей соответствуют, а какие нет. В условно-истинностной обработке за основу категоризации принимают объективированные в общественной практике таксономические знания, а установленные внутри таксономии свойства, признаки и состояния вещей принимают за необходимые и достаточные условия, которым должно удовлетворять, чтобы гарантировать правильное обозначение, всякое обозначающее эту вещь языковое выражение, прежде всего имя.

Между тем в реальном употреблении языка нельзя не отметить и многочисленные случаи диффузных, или, как говорит К. Бюлер, «неясных», понятий [1, с. 203; 2, с. 159–176; 3, с. 183–228; 4, с. 157–172]. О размытом содержании таких понятий можно судить хотя бы по актуальному словоупотреблению в повседневном речевом общении. Возьмем, например, такой разговор на рынке между покупательницей и продавщицей. Обсуждая прогноз погоды на ближайшую неделю, женщины сетуют на довольно прохладную погоду в июле, и даже предвещание жаркого августа их не утешает: *август ведь не лето*, заключают они. С точки зрения условно-истинностной семантики такое суждение конечно же ложно, ибо в календарном исчислении *август* относится к летнему периоду. Но определяющим в актуальном словоупотреблении является, как видно, не соответствие

научной истине, а общепринятые представления о том, что лето – самое теплое время года и что наиболее, так сказать, летним (и, значит, теплым) месяцем года является июль. *Лето* определяется, таким образом, по отношению к наиболее типичному для данного периода года месяцу, а в ряду *июнь – июль – август* таким месяцем признается *июль* как удовлетворяющий в наивысшей степени характеризующему лето свойству. Так что «аномальным» оказывается в итоге не «странное» суждение, а несоответствие погодных условий нормативным показателям; и, невзирая на тавтологию, можно, стало быть, предаваться вместе с женщинами на рынке рассуждениям, будет ли будущим летом полетнему летней погода.

Выйти за рамки привычного понимания категоризации позволяет во многом теория прототипов.

В теории прототипов различают две версии – стандартную и расширенную.

А. Стандартная версия. В стандартной версии под прототипом понимают предельно обобщенный ментальный образ, когнитивную схему, образцовый представитель категории и т. п.

Уровни категоризации. Категоризация может быть разной степени обобщения. Не случайно, предлагая некоторый «всеобщий» образ листа, Л. Витгенштейн задается вопросом, как воспринимать образец – как схему или как форму определенного листа, ибо «тот, кто рассматривает данный лист как образец “формы листа вообще” видит его иначе, чем тот, кто смотрит на него как на образец данной опреде-

Высший уровень	<i>Животное</i>	<i>Фрукт</i>	<i>Птица</i>
Базисный уровень	<i>Собака</i>	<i>Яблоко</i>	<i>Воробей</i>
Подчиненный уровень	<i>Боксер</i>	<i>Анисовка</i>	<i>Полевой воробей</i>

ленной формы» [5, с. 114]. В первом случае получаем абстракцию в виде пучка отличительных признаков, во втором – конкретный образец.

С аналогичной проблематикой сталкивается, похоже, и теория прототипов в поисках образцового представителя категории. Ибо если категорию строить иерархически по градации общих признаков, которыми обладает по определению некоторая изучаемая совокупность объектов, а прототип понимать как категориальное отношение к общим свойствам, принципиально важно установить, какую степень обобщения получают в прототипе эти свойства и каким должен быть в идеальном отображении прототип.

В поисках прототипа Э. Рош и др. [6] выделяют три уровня категоризации – высший, базисный и подчиненный (см. таблицу).

Как видно из таблицы, *животное*, *фрукт* и *птица* относятся к высшему уровню, *собака*, *яблоко* и *воробей* – к базисному уровню, *боксер*, *анисовка* и *полевой воробей* – к подчиненному. В построенной таким образом пирамиде понятий подведение под категорию совершается путем нарастающей абстракции. На вершине пирамиды понятие предельно обобщается, а вместо первоначально осязаемой совокупности мы получаем если не голую схему, то какое-то абстрактное понятие. Вероятно, поэтому в качестве базисного звена категоризации избирают промежуточный уровень, на котором изучаемая категория существует еще в качестве наглядной схемы с психическим коррелятом в виде представления.

В пользу базисного уровня категоризации приводятся, в частности, такие доводы:

- До образования естественнонаучных таксономий человеческий опыт структурируется на базисном, а не на каком-то другом уровне. Так, по наблюдениям Э. Рош и др., с трехлетнего возраста дети прекрасно справляются с задачей по сортировке изображений базисного уровня – *коров*, *собак*, *мотоциклов*, *автомашин* и *самолетов*, но затрудняются с ответом, когда речь заходит о генерализации на вышестоящем уровне или спецификации на нижестоящем уровне [6, с. 414–415].

- Воспринимаясь целостно как гештальт, категории базисного уровня проще запоминаются и употребляются. Только усвоив концепты базисного уровня, утверждают психологи, «ребенок продвигается по ступеням иерархии вверх посредством генерализации и вниз – посредством специализации» [7, с. 55–56, 452].

- Базисному уровню соответствует уровень чувственного опыта, на котором формируется базовое знание об окружающих нас в мире вещах – кошках, собаках, стульях, столах, деревьях, скалах и прочих объектах базисного уровня [7, с. 386].

- На базисном уровне максимально сконцентрированы релевантные для человека свойства обозначаемых словами вещей. «Именно на этом уровне опыта, – пишет Дж. Лакофф, – мы четко отличаем тигров от слонов, стулья от столов, розы от нарциссов, спаржу от брокколи, медь от цинка и т. д. Один уровень вниз – и все значительно усложняется. Гораздо труднее отличить один вид жирафа от другого, чем жирафа от слона. Наша способность гештальтного восприятия на базовом уровне не приспособлена для того, чтобы легко делать четкие различия на таких более низких уровнях» [7, с. 351].

Прототип как образцовый представитель категории. Определив уровень категоризации, требуется установить и образцовый объект – прототип, относительно которого определяются все входящие в категорию объекты. В этой связи нельзя не задаться, разумеется, вопросом. Если категорию определять по свойствам образцового представителя категории, а степень соответствия всякого входящего в категорию объекта рассматривать как функцию от тех свойств, которые данный объект разделяет с прототипическим образцом, почему именно x_1 , а не x_2 , x_3 или x_n избирается в качестве образцового представителя категории X ? Или, другими словами, почему с птицей в сознании информантов ассоциируется в первую очередь *воробей*, а не *страус* или *пингвин*, с животным – *собака*, а не *корова* или *медведь*, с фруктом – *яблоко*, а не *ананас* или *киви*.

Понять, как определяется в стандартной версии прототип, а вместе с ним и степень принадлежности категории, можно на примере такой градации:

- (1) *Воробей есть птица* (истинно).
- (2) *Курица есть птица* (менее истинно, чем 1).
- (3) *Пингвин есть птица* (менее истинно, чем 2).
- (4) *Летучая мышь есть птица* (ложно или далеко от истины).
- (5) *Корова есть птица* (абсолютно ложно).

Чтобы понять, какой из указанных субъектов суждения подходит наилучшим образом на роль образцового представителя категории, следует сначала раскрыть содержание предиката *быть*

птицей, а лишь потом проверять, насколько *воробей*, *курица*, *пингвин*, *летучая мышь* или *корова* соответствуют и соответствуют ли вообще прототипическим свойствам птицы. Ибо если *x* принадлежит классу «птицы», тогда *x* должен обладать и всеми или почти всеми свойствами, которым и обладают по определению представители данного класса: например, /имеет крылья/, /имеет оперение/, /имеет клюв, /умеет летать/, /вьет гнезда/ и т. п.

Умозаключение строится в таком случае по правилам силлогизма:

Все (или почти все) птицы имеют оперение (умеют летать и т. п.).

X имеет оперение (умеет летать и т. п.).

Значит x – птица.

Соответствие по какому-то отдельно взятому признаку – еще не ручательство за истинность заключения. Например, *летучая мышь*, пусть и имеет крылья, не принадлежит категории «птицы», а *курица* или *пингвин*, пусть и не умеют летать, относятся к данной категории наравне с *воробьем*. Поэтому в выборе прототипа чаша весов склоняется в пользу такого и только такого представителя категории, который обладает категориальными свойствами в наивысшей степени. Оттого-то идеальным образцом в указанном ряду признается прежде всего *воробей*, менее удачным – *курица* и *пингвин*, проблемным – *летучая мышь*, а совсем непригодным – *корова*. Иначе говоря, образцовость объекта определяется по тому, насколько полно он соответствует релевантным для данной категории таксономическим свойствам. Функция принадлежности категории становится в таком случае функцией других функций принадлежности, а вместе взятые эти функции образуют, пока не исчерпается набор потенциально допустимых возможностей, *n*-е количество критериев, по которым оценивается образцовость того или иного объекта внутри изучаемой категории.

В пользу выбора какого-то объекта в качестве образцового представителя категории приводятся, в частности, такие доводы.

- Избираемый в качестве прототипа образец отвечает критерию «максимальной информации», поскольку характеризуется по сравнению с «нетипичными» представителями категории наибольшим числом прототипических признаков. В этом состоит, по определению Ж. Клейбера, «принцип когнитивной экономии» [8, с. 90].

- По сравнению с «нетипичными» представителями категории прототип характеризуется большей частотностью употребления [9].

- По отношению к образцу проще обосновывать принадлежность категории: например, *курица* – *птица*, как и *воробей*, как если бы отсылка к образцу была дополнительным аргументом в пользу отнесения того или иного объ-

екта к категории, нежели простая констатация принадлежности вида *курица* – это *птица*.

- По прототипическому образцу проще прогнозировать, какие свойства предсказать в диапазоне допустимого варьирования субъекту суждения. Например, в метафорическом выражении *Если я была бы птицей* говорящий представит себя скорее *ласточкой* или *синицей*, нежели *страусом* или *пингвином*, а высказыванию *Если я была бы птицей, то прибежала бы к тебе* предпочтет скорее *Если я была бы птицей, то прилетела бы к тебе*.

- Умозаключение строится в направлении от центрального элемента категории к периферийному, а не наоборот. Например, на вопрос, заразятся ли живущие на острове утки от заболевших какой-то неизвестной птичьей болезнью малиновок, испытуемые отвечают в целом утвердительно, а на вопрос, заразятся ли малиновки от уток, отрицательно [10, с. 32–33].

- В качестве центрального элемента категории прототипический образец идентифицируется и усваивается быстрее, чем периферийный элемент. Ибо, как замечают психологи, образец легче представить, а на основе образца – построить класс однородных объектов.

В отношении семантики прототипов, прежде всего стандартной версии, нельзя не высказать вместе с тем некоторые критические замечания.

- Прототип не обладает в полном объеме всеми отличительными признаками категории: по меткому замечанию Ж. Пикош, *воробей*, например, не поет, а чирикает [8, с. 65].

- «Нетипичные» элементы категории вроде *курицы* принадлежит в равной степени классу пернатых, пусть *курица* не поет и даже не летает.

- Идентификация прототипа по прототипическим свойствам *cue validity*, пусть эти свойства и не формулируются в терминах необходимых и достаточных условий, прибегает по умолчанию к естественнонаучным таксономиям, позволяющим, например, установить, что *летучая мышь* и *корова* не имеют никакого отношения к классу пернатых.

- Поскольку в стандартной версии строение категории совпадает с естественнонаучной таксономией, прототипическое значение смыкается с таксономическим значением. Между тем в лексическое значение могут входить и так называемые афферентные признаки. Так, *курица* и *свинья*, например, различаются по ингерентному родовому признаку /птица/ vs /животное/, но могут совпадать в фольклорной традиции по социально кодифицированному афферентному признаку /обряд/.

• Выведение в фокус какого-то прототипического свойства в качестве сигнала *cue validity* не отменяет некоторые другие, неразрывно связанные с ним свойства. Так, воспользуемся примером Дж. Локка, определяя человека как «разумное животное» в дефиниции вида *animal rationale*, нельзя забывать о свойствах внешнего облика. В противном случае под общее понятие можно ненароком подвести и неожиданно загворившую Валаамову ослицу [12, с. 514–515].

• Прототипические исследования ограничиваются в основном именами существительными, а среди существительных предпочитают в первую очередь такие, которые связываются с образами конкретных объектов – *птицей*, *мебелью* или *одеждой*. Главным образом потому, замечает Ж. Клейбер, что для категории «птицы», «мебель» или «одежда» проще подобрать образец, чем для предлога *в*, глагола *бежать* или прилагательного *большой* [8, с. 127–128].

• Ограничиваясь категоризацией идентифицирующей лексики, прототипические исследования не выходят обычно за пределы слова. Синтагматическая сочетаемость если и учитывается, то в плане разве только таксономического соответствия. Действительно, если соотносить именное выражение с типичным образцом, а по этому образцу делать заключение о наиболее вероятных свойствах, можно без труда отличить, например, *собаку* от *кошки*, а *собаку* определить через заведомо известные свойства. Ситуация осложняется, когда именное выражение связывается с нетипичным представителем класса, а предсказуемый в контексте признак не только уклоняется, но и противоречит вдобавок всем известным прототипическим свойствам. Поэтому, замечает Ж. Клейбер, словосочетание вида *желтая собака* можно истолковать разве только в референтном употреблении [8, с. 130–131]. Причем в условиях, добавим, только определенной («прозрачной») референции, когда область референции сужается от класса до индивида, а сквозь значение референтного выражения как бы просвечивает индивидуальный объект, на который указывает это выражение.

• Выбор прототипического образца может варьировать в разных типах культуры. Например, в русской волшебной сказке в качестве прототипического образца животного избирается нередко *птица*, а в качестве образцового представителя пернатых – *орел*. При этом прототипическое свойство */умеет летать/* переосмысливается в сказочной традиции в плане главным образом оказания помощи, в том числе переправы героя в иное (тридевятое) царство [13, с. 167–169, 202–203]. В крестьянском же

быту в качестве прототипа домашнего животного могут фигурировать в равной степени, о чем свидетельствуют особо чтимые праздники покровителей животных, *куры* (Козьма и Дамиан), *лошади* (Флор и Лавр), *свиньи* (Василий Великий), *гуси* (Никита), *овцы* (Авраамий и Анастасия) [14, с. 124, 126–131, 136, 138–143, 169–173]. Во всех случаях выбор образца зависит от востребованного в релевантном контексте жизни прототипического признака: например, */переправа в иное царство/ (орел)*, */врачевание болезней/*, */помощь в родах/*, */плодовитость/*, */животворная любовь/ (обрядовая курица)*, */приплод скота/ (лошадь или свинья)*. Поэтому в приведенном выше метафорическом выражении *если я была бы птицей* спецификация птицы может быть переменной, как и предсказуемый птице «прототипический» признак: например, *Если я была бы орлицей, то доставила бы тебя в иное царство* или *Если я была бы курицей, то родила бы тебе много детей и безмерно заботилась бы о потомстве*.

В. *Расширенная версия*. Какой бы привлекательной ни казалась установка на образец, нельзя не признать, что соответствие прототипическому образцу не является никогда полным, что не существует такого набора свойств, которыми обладали бы сразу все входящие в категорию объекты и по которым устанавливались бы жесткие границы категории. Остается только полагаться на «семейное сходство»², а о принадлежности категории судить по исчисляемому в скалярной оценке прототипическому эффекту. Ибо, полагают, какой бы ни была категория, все входящие сюда объекты сходны, как ближайшие родственники, в том или ином отношении [9; 15; ср. 8, с. 51, 54–56, 152; 16, с. 108–129; 7, с. 28–210; 17, с. 24–26].

Рассуждение строится, по сути, таким образом. Пусть *курица* и не летает, зато кладет яйца и имеет, как и все прочие представители класса пернатых, клюв и оперение. Иначе говоря, чтобы понять, относится ли тот или иной объект к данной категории и какое ему отводится здесь место, требуется соизмерить по значимости сигнала (*cue validity*) приписываемые ему свойства: чем значительнее прототипический эффект, тем больше значимость сигнала и тем больше, стало быть, степень репрезентативности внутри категории.

Критические замечания вызывают вместе с тем такие положения.

• Декларируемая в расширенной версии установка на «семейное сходство» не отменяет понятие «центрального» элемента внутри изучаемой категории. Ибо, пусть принадлежность категории и не расценивается по принципу «всё

или ничего», а является, по утверждению Дж. Лакоффа, лишь «вопросом степени» [7, с. 188], скалярная оценка ориентируется по-прежнему на образец. От прототипического эффекта следуют к степени репрезентативности, от степени репрезентативности – к степени принадлежности, как если бы, например, *воробей* был в большей степени птицей по сравнению с не умеющим летать *страусом* или *пингином*³.

• Базисный уровень категоризации, которого по-прежнему придерживаются в расширенной версии, не имеет прямого отношения к «концептуальному раскрою» языка в виде сложившихся в языке лексических классов. В определении Э. Рош и ее последователей это всего лишь уровень категориальной абстракции, а категория – класс объектов, изучаемый вне зависимости от лексикализации в языке.

• В поисках прототипических эффектов не востребуемыми остаются по-прежнему афферентные признаки, пусть Дж. Лакофф и учитывает их в интерпретации англ. *bachelor* «холостяк» или *mother* «мать», поскольку задаются опять-таки относительно идеализированной когнитивной модели вне зависимости от реального употребления в языке.

• Языковое значение нельзя смешивать с ментальной репрезентацией. В противном случае семантический анализ низойдет до изучения ментальных репрезентаций, тогда как они участвуют в семиозисе в качестве разве только прагматических пресуппозиций и интегрируются в виде компонентов значения при условии, если это предписывается или хотя бы не воспрещается контекстом.

• Собственно лингвистическим анализ может стать только при изучении языковых означаемых в соотношении с другими языковыми означаемыми. Содержание семемы выводится в таком случае не на основе ментальной репрезентации, а путем соотношения с другими семемами внутри изучаемой языковой последовательности. По ряду пунктов такая позиция позволяет отойти от психологизма когнитивной семантики, а заодно и от атомистической трактовки языкового значения.

Примечания

1. «Образец, – пишет Н. Д. Арутюнова, – это этап в переходе от предмета к признакам, от образа к концепту, от класса предметов к концепту класса <...> с ним сравнивают для того, чтобы объединить объекты в класс» [11, с. 301]. Когда ребенку, например, говорят в зоопарке «Вот слон», это означает, что *такие животные суть слоны*. Осуществляя знаковый дейксис, местоименное прилагательное «такие» выделяет в объекте некоторые характеризующие свойства типа /с хоботом/, /с бивнями/

/большого размера/ и т. п. и тем самым превращает зрительный образ в показательный образец.

2. Положение о семейном сходстве как условии категоризации нечетких множеств восходит к рассуждениям Витгенштейна об игре. В «Философских исследованиях» Витгенштейн, в частности, пишет: «Рассмотрим, например, процессы, которые мы называем “играми”. Я имею в виду игры на доске, игры в карты, с мячом, борьбу и т. д. Что общего у них всех? ...Мы могли бы перебрать многие виды игр, наблюдая, как появляется и исчезает сходство между ними. А результат этого рассуждения таков: мы видим сложную сеть подобий, накладывающихся друг на друга и переплетающихся друг с другом, сходств в большом и малом. Я не могу охарактеризовать эти подобия лучше, чем назвав их “семейными сходствами”, ибо так же накладываются и переплетаются сходства, существующие у членов одной семьи: рост, черты лица, цвет глаз, походка, темперамент... И я скажу, что “игры” образуют семью» [5, с. 111–112]. Действительно, если спросить, что может быть общего между *шахматами*, *пасьянсом* и *крокетом*, каждый из опрошенных информантов ответит без особых затруднений: «игра», а *шахматы*, *пасьянс* и *крокет* отнесет к тому или иному виду игры – играм на доске, играм в карты или играм с мячом. Не вдаваясь в рассуждения, как делятся игры в общественной практике и как разные виды игры специфицируются в виде частных понятий по признакам /детский/ – /взрослый/, /мужской/ – /женский/, /развлечение/ – /спорт/ – /профессия/, /интеллектуальный/ – /физический/, /победа/ – /поражение/, обозначим выводы Витгенштейна:

- это размытое понятие («понятие “игры” – понятие с расплывчатыми границами»);
- между элементами множества существуют связи, прежде всего ассоциативные;
- общие признаки варьируют («многие общие черты исчезают, а другие появляются»);
- отношения между элементами множества структурированы семейным сходством («ты не видишь, чего-то общего, присущего им *всем*, но замечаешь подобия, родство»; «“игры” образуют семью»);
- при общем наименовании затруднительно выбрать какой-нибудь элемент в качестве представителя всего ряда: для одних это *пасьянс*, для других – *крокет*, *игра в прятки* или *шахматы*.

3. Фактор центральности присутствует даже в отображении прототипического значения в идеализированных когнитивных моделях. Так, называя кластерную модель англ. *mother* радиальной, Дж. Лакофф предполагает *implicite* наличие «ядерного» значения, относительно которого совершаются расширения вроде *adoptive mother*, *stepmother*, *unwed mother* или *surrogate mother* [7, с. 114, 118–119].

Список литературы

1. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка / Общ. ред. и коммент. Т.В. Булыгиной; вступ. ст. Т.В. Булыгиной и А.А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1993. 502 с.
2. Zadeh L.A., Quantitative fuzzy semantics // Information sciences. 1971. № 3. P. 159–176.
3. Lakoff G. Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts // Papers from the Eighth

- Regional Meeting, Chicago Linguistic Society, 1972. P. 183–228.
4. Kleiber G. Quelques réflexions sur le vague dans les langues naturelles // Etudes de linguistique générale et de linguistique latine offertes en hommage à Guy Serbat. Paris: Société pour l'information grammaticale, 1987. P. 157–172.
5. Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. I / Пер. с нем. М.С. Козловой и Ю.А. Асеева; сост., вступ. ст., прим. М.С. Козловой. М.: Гнозис, 1994. 612 с.
6. Rosch E. et al. Basic Objects in Natural Categories // *Cognitive Psychology*. 1976. № 8. P. 382–436.
7. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении / Пер. с англ. И. Б. Шатуновского. М.: Языки славянской культуры, 2004. 792 с.
8. Kleiber G. La sémantique du prototype. Catégories et sens lexical. Paris: P.U.F., 1990 (réédition 2004). 199 p.
9. Rosch E. & Mervis C. Family Resemblances: Studies in the Internal Structure of Categories // *Cognitive Psychology*. 1975. № 7. P. 573–605.
10. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII: Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 12–51.
11. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. 896 с.
12. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Сочинения в трех томах. Т. 1 / Прим. И. С. Нарского и А.Л. Субботина. М.: Мысль, 1985. 621 с.
13. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки / Отв. ред. В.И. Еремина и Н.М. Герасимова. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. 366 с.
14. Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1901–1913 / Вступ. ст. Н.И. Толстого, сост. А.Л. Топоркова; подготовка текста Т.А. Агапкиной, коммент. Т.А. Агапкиной, Л.Н. Виноградовой и др. М.: Индрик, 1994. 400 с.
15. Rosch E., Principles of Categorization // *Cognition and Categorization*, E. Rosch and B. Lloyd (eds.), Hillsdale: Laurence Erlbaum Ass., 1978. P. 27–48.
16. Kleiber G. Prototype et prototypes: encore une affaire de famille // *Sémantique et cognition. Catégories, prototypes, typicalité*. Paris: CNRS, 1991. P. 108–129.
17. Putnam H. Représentation et réalité. Paris: Gallimard, 1990. 226 p.

THE PROBLEM OF CATEGORIZATION IN THE PROTOTYPE THEORY: PRO ET CONTRA

A.E. Bochkarev

Similar to other varieties of cognitive semantics, the prototype theory investigates how we understand the world around us. We can answer this question only by understanding how the categorization works and how «series of similarities» are formed. In a standard version, the category affiliation is a function of prototypical properties the object shares with a model representative of its category. In an extended version, the category affiliation is defined by analogy with the family resemblance. Even if we assume that linguistic expressions relate to things through mental representations, we have to admit that these expressions should be studied as linguistic expressions.

Keywords: cognitive semantics, prototype theory, categorization, properties of cue validity, mental representations.

References

1. Byuler K. Teoriya yazyka. Representativnaya funkciya yazyka / Obshch. red. i komment. T.V. Bulyginov; vstup. st. T.V. Bulyginov i A.A. Leont'eva. M.: Progress, 1993. 502 s.
2. Zadeh L.A., Quantitative fuzzy semantics // *Information sciences*. 1971. № 3. P. 159–176.
3. Lakoff G. Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts // *Papers from the Eighth Regional Meeting, Chicago Linguistic Society, 1972*. P. 183–228.
4. Kleiber G. Quelques réflexions sur le vague dans les langues naturelles // *Etudes de linguistique générale et de linguistique latine offertes en hommage à Guy Serbat*. Paris: Société pour l'information grammaticale, 1987. P. 157–172.
5. Vitgenstejn L. Filosofskie raboty. Ch. I / Per. s nem. M.S. Kozlovoj i Yu.A. Aseeva; sost., vstup. st., prim. M.S. Kozlovoj. M.: Gnozis, 1994. 612 s.
6. Rosch E. et al. Basic Objects in Natural Categories // *Cognitive Psychology*. 1976. № 8. P. 382–436.
7. Lakoff Dzh. Zhenshchiny, ogon' i opasnye veshchi. Chto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii / Per. s angl. I. B. Shatunovskogo. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. 792 s.
8. Kleiber G. La sémantique du prototype. Catégories et sens lexical. Paris: P.U.F., 1990 (réédition 2004). 199 p.
9. Rosch E. & Mervis C. Family Resemblances: Studies in the Internal Structure of Categories // *Cognitive Psychology*. 1975. № 7. P. 573–605.
10. Lakoff Dzh. Myshlenie v zerkale klassifikatorov // *Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. XXIII: Kognitivnye aspekty yazyka*. M.: Progress, 1988. S. 12–51.
11. Arutyunova N.D. Yazyk i mir cheloveka. M.: Yazyki russkoj kul'tury, 1998. 896 s.
12. Lokk Dzh. Opyt o chelovecheskom razumenii // *Sochineniya v trekh tomah. T. 1 / Prim. I. S. Narskogo i A.L. Subbotina*. M.: Mysl', 1985. 621 s.
13. Propp V.Ya. Istoricheskie korni volshebnoj skazki / Otв. red. V.I. Eremina i N.M. Gerasimova. L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1986. 366 s.
14. Zelenin D.K. Izbrannye trudy. Stat'i po duhovnoj kul'ture. 1901–1913 / Vstup. st. N.I. Tolstogo, sost. A.L. Toporkova; podgotovka teksta T.A. Agapkinov, koment. T.A. Agapkinov, L.N. Vinogradovoj i dr. M.: Indrik, 1994. 400 s.
15. Rosch E., Principles of Categorization // *Cognition and Categorization*, E. Rosch and B. Lloyd (eds.), Hillsdale: Laurence Erlbaum Ass., 1978. P. 27–48.

16. Kleiber G. Prototype et prototypes: encore une affaire de famille // *Sémantique et cognition. Catégories, prototypes, typicalité*. Paris: CNRS, 1991. P. 108–129.

17. Putnam H. *Représentation et réalité*. Paris: Gallimard, 1990. 226 p.